

Александр Бурдуковский
Аюна Сахьяева

**СВИДАНИЕ
СО СВОБОДОЙ**

Александр Бурдуковский
Аюна Сахьяева
Свидание со свободой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48508471

ISBN 9785005071699

Аннотация

Сборник состоит из трех рассказов:1) «Бумажное прощай» – о судьбах солдат и их переживаниях в военное время.2) «Особый мир» – про работу в приюте с особыми детьми.3) «Свидание со свободой» – герой решает кардинально изменить свою жизнь и порвать круг рутины. Получится ли у него? Ответ в книге!

Содержание

«Бумажное прощай»	5
///	10
///	12
Осень	15
///	18
///	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Свидание со свободой

Александр Бурдуковский
Аюна Сахьяева

© Александр Бурдуковский, 2019

© Аюна Сахьяева, 2019

ISBN 978-5-0050-7169-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Бумажное прощай»

Вооруженный конфликт длился уже полтора года, пару месяцев из которых я в нем участвовал. Как писали газеты, набирают только добровольцев, но, например меня никто не спрашивал. Приказали явиться на пункт сбора, а оттуда закинули сразу в лагерь новобранцев. По условиям он больше напоминал тюрьму для отъявленных преступников. Впрочем, я не унывал. До этого жизнь была ко мне благосклонна. Я был молод, и мне мнилось, что впереди только хорошее. Первые же дни в лагере, развеяли это, как рисунок на песке.

Юнцы со всех уголков страны были заброшены вместе со мной. Не ведавшие дисциплины, большинство прямиком со школьной скамьи, мы не знали как себя вести в новых условиях. Больше мы напоминали маленьких, злых зверьков, собранных в одном месте. Злость копилась с каждым днем из-за условий содержания, отношения, из-за всего. Уж очень сильно отличалась жизнь «до» и «после». В лагере мы жили в бараке. Он был свежей постройки, только из старых материалов, откуда-то привезенных. Брус с запахом плесени, неаккуратно затыканные шпаклей щели и влажность. Стоило посидеть в бараке полчаса, как одежда отсыревала. Никто ни с кем не общался. Ни свар, ни дружбы, ничего. Спать приходилось каждый раз на новом месте. Бывает, вернешься ве-

чером, а койка занята. После дня, наполненного физическими упражнениями, все валились с ног, где попало, в надежде дать отдых натруженным мышцам в преддверии следующего дня. Форма, которую нам выдали, больше походила на тряпье, и к тому же не соответствовала размерам владельцев. Складывалось впечатление, что кладовщик для проформы узнавал твои параметры, а выдавал то, что под руку попадет-ся.

Занятия были однообразными: физические, чтобы повысить силу и выносливость; психологические, чтобы вбить в нас привычку к слепому повиновению и беспрекословному подчинению приказам. Приведу небольшой пример, дабы вы поняли, о чем речь. За три километра от лагеря было большое озеро. Нас заставляли набирать из него воду и ведрами приносить к дежурному в лагерь, докладываться и нести обратно, выливать в водоем.

– Попробуй, пролей хоть каплю, и ты отправишься под трибунал! – с пеной у рта орал офицер.

Обыкновенная муштра, из которой и состоит армейская жизнь. Только через пару недель мы начали понемногу осваиваться в новой обстановке. А через месяц мне уже казалось, что я жил так всю жизнь.

Лето.

Агрессором выступала наша страна, но на политзанятиях нам упорно твердили, что нас на это вынудили. Если вкратце: весь мир глуп и неразумен, творит преступления и нару-

шает все правила, а наша страна взяла на себя эту неблагодарную, но необходимую работу по устранению беспорядка. Несмотря на наш возраст, даже нам было совершенно ясно, что это ложь.

Стартовала эта история летом N-го года. К тому времени я уже второй месяц был в лагере новобранцев. Тех, кто был готов, забирали на фронт, остальные продолжали обучение. Кто-то был готов через пару недель, кто-то задерживался здесь на долгие месяцы. Степень готовности определяла специальная комиссия. Один парень находился здесь уже более полугода, был старожилом и даже гордился этим.

– А чего там делать-то? Помирать рановато. Мне и здесь неплохо. Я и не военный и не гражданский, у меня своя философия жизни, – важно надув щеки говорил он.

– Трус ты и все, – оборвал его дюжий здоровяк. Он появился неделю назад и показывал хорошие результаты по физической подготовке. Вел себя вызывающе и постоянно провоцировал беспорядки. Обычно я плохо отношусь к подобным типам. Но, этот парень вызывал у меня непонятную симпатию, словно старый, позабытый товарищ. Сам я атлетическим телосложением не обладал. Однако благодаря регулярным тренировкам, не отставал от других.

День шел к своему завершению, и мы курили за столовой, в ожидании ужина. Табак здесь не поощрялся, но и строгих запретов тоже не было. На войне вообще мало запретов. Раньше я никогда не курил. А теперь уже не представлял дня

без курева. Какой солдат без табака?

– Я трус? Да я здесь уже столько что тебе и не снилось! – закричал обиженный старожил.

– А толку? Только жратву зря переводишь, – спокойно парировал здоровяк.

Завязалась потасовка, мы попытались разнять драчунов. Как по мановению волшебной палочки появились дежурные и всех растащили. Часть отправилась в медпункт, остальных определили в карцер. Туда же попал и я. Карцером был старый курятник, с висячим замком на двери. Запах навоза, скотины и опилок. В углу дремал в куче тряпья «арестант». При нашем появлении, он осведомился о сигаретах и получив своё, возобновил сон.

– Дин, – протянул руку здоровяк.

– Александр, можно просто Лекс, – представился я так, как называли меня мои друзья.

– Давно здесь?

– Второй месяц.

– Понятно. А я недавно попал сюда.

– Знаю.

– Чертова война. Кому она вообще нужна?

– Хороший вопрос. Наверное, кому-то и нужна, кому-то выгодна.

– А мы здесь причем? Пусть дерутся те, кто эти войны устраивает.

В его словах сквозила простоватая, но правильная логика.

Дин был сыном фермера, с детства приученным к тяжелой работе. Всю свою жизнь он провел в поле, и теперь не мог понять, что тут делает. В компании нового знакомого было легко, и мы разговорились. Через неделю после этого разговора, нас отправили на фронт.

С Динком мы попали в один отряд. Находился он за тысячу километров отсюда. Прямо из лагеря новобранцев нас отправили на его поиски. По пути всюду мы отмечались на командных пунктах, на них же получали паек. А вот с транспортом все было не так прозаично. Пыльные машины, конные обозы, грузовики снабжения. Некоторые дни мы маялись от долгого ожидания, иногда нам везло и мы покрывали огромные расстояния. Общие трудности сближают и постепенно мы с Динком подружились.

Стоило выехать за пределы страны, и война встала перед нами в полный рост. Развалины, запах пожаров, воронки от артиллерийских снарядов. Новые кладбища, растущие как грибы после дождя. И глаза коренного населения, наполненные ненавистью и устремленные на нас. Стоит мне лечь спать, и я сразу вспоминаю эти глаза.

– За что они нас так ненавидят? – как-то спросил меня Дин.

– За то, что мы разрушили их жизни.

– Да, ты прав, но как говорят: «Лес рубят – щепки летят».

– Здесь каждая щепка – чья-то судьба, или семья.

Через три недели мы догнали свой отряд. Часть его была на передовой, часть отдыхала. И снова стартовало обучение. Только теперь в нас не развивали силу и послушание. При-

шло время гораздо более полезных и необходимых навыков. Как убить человека штыком. Что делать если попал в плен. Как лучше прикинуться мертвым, чтобы авиация не обратила на тебя внимания. Как правильно метать гранату, чтобы она взрывалась до падения на землю, и разбрасывала осколки на большую дистанцию. Как обрабатывать разные виды ранений и как добивать безнадежно раненных товарищей.

Отряд состоял в основном из среднего возраста мужчин, настоящих псов войны, органично в неё вписывающихся. Хотя в отличие от нас у них были семьи, были профессии. У них было прошлое, в которое можно вернуться. А куда вернемся (если вернемся) мы? Порой вечерами я думал об этом, но ничего путного в голову не приходило.

Пришла часть отряда с передовой. Несколько носилок с тяжелоранеными. Многие изувеченные ковыляли сами по себе, перемотанные грязными бинтами. Они не только сдержали натиск противника, но и смогли продвинуться вперед. Правда, выглядели они как потерпевшие страшное кораблекрушение. Деморализованные, потерянные, они с робкой надеждой смотрели вокруг и не находили утешения. Из ушедших шестидесяти вернулось лишь двадцать семь.

– Такова цена победы, – сплюнув, сказал один из ветеранов.

Мы с Дином тревожно переглянулись. Скоро наступал наш черед отправляться на фронт.

Даже воздух здесь был совсем другой. Запах разрытой земли, тяжелый дух крови, запах страданий. Аромат самой смерти. На вооружение нам дали по армейскому карабину с парой обойм. Весь пейзаж, насколько хватало глаз, покрывали борозды окопов, блиндажей и укреплений. Лабиринт окопов протягивался на несколько километров во все стороны. Далеко в тумане прятались укрепления врага. Временами в небесах кружили самолеты разведчики. Уже несколько дней мы ждали подкрепления для начала атаки. Обозы не могли подойти ближе, и нас мучила жажда и голод.

– Когда пойдем в атаку, не хватайте ценности или оружие, берите консервы, фляжки, ищите съестное. Неизвестно насколько мы здесь застряли, – наставлял нас бывалый ветеран.

Первая атака, словно первая любовь, навсегда остается в анналах памяти. Громоподобная канонада нашей артиллерии, расчищающей путь, а потом крик командира, подхваченный и передающийся по цепочке.

– Вперед!

Мы выскакиваем из окопов, как чертики из табакерки, и бежим сломя голову. Перед нами только пелена из дыма и тумана, за которой ничего не видно. Мы оскальзываемся и падаем в воронки. В легких кончается кислород, я начинаю задыхаться. Вспышки выстрелов мелькают передо

мною. Враги встречаются нас ливнем огня. Хочу остановиться, упасть, спрятаться, закопаться в землю, но продолжаю бежать вперед, как и все мои товарищи. Кого-то сбивают пули, и он навсегда остается лежать позади. Внезапно перед нами вырастает вражеский окоп, и мы с размаху проваливаемся в него. Оружие больше ничего не значит, война, политика не имеет значения, всё отходит на второй план. Мы первобытные люди, сражающиеся за право жить. Из блиндажа выбегает противник, от неожиданности и испуга я бью его штыком в живот. Лезвие тяжело проваливается и застревает в ребрах. Удивленное лицо, залитое смертельной бледностью, а по моим рукам струится вязкая кровь. Я вспоминаю полигон, и как просто было колоть соломенное чучело. С трудом освобождаю оружие и вбегаю в блиндаж в попытке оградиться от этого безумия. Меня рвет, так как никогда раньше. Будто сам мой желудок пытается выбраться наружу. Следом появляется наш солдат.

– Чего встал, хватай консервы и назад, мухой!

Бесконечная муштра приносит свои плоды. Приказ только повис в воздухе, а я уже приступил к выполнению. Послушно набиваю карманы банками и бегу обратно. Атака окончена, пора возвращаться на исходную. С минуты на минуту артиллерия противника начнет обстрел этих позиций. Бегу обратно, озираюсь кругом. Солдаты как сумасшедшие спасают свои жизни. Где же Дин? Но, останавливаться нельзя, остановка означает смерть.

Заваливаемся в свои окопы и падаем без сил на землю. Только надрывный хрип дыхания нарушает тишину. Проходит минута, другая... И воцаряется ад. В воздухе стоит свист, гул, вой разрывающихся снарядов. Кто не успел добраться до спасительного окопа, гарантированно превратился в фарш.

Дина я обнаружил только к вечеру. Целый и невредимый, он сидел, привалившись к глиняной стене окопа, и смотрел в одну точку. Взгляд его напоминал дом, из которого вынесли всю обстановку, оставив лишь стены. Я уселся рядом с ним. Заметил он моё появление или нет, было непонятно.

– Я убил человека, – неожиданно сказал он, словно прочитав мои мысли.

Вспомнился мой противник. Кто он был? Что за человек? Была ли у него семья? Я ничего не стал говорить. Несмотря на появление припасов и голод, продолжающий нас мучить, в ту ночь мы не смогли проглотить ни кусочка.

Иногда в небо взлетали осветительные ракеты, выхватывая куски земли. До самого рассвета из темноты слышались стоны умирающих.

Осень

Незаметно подкралась осень. Похолодало, ветер с утра до ночи кружил листья. Террор расцветал пышным цветом. Как всегда бывает, стоит появиться деньгам и крови, и любые соглашения, конституции, законы и прочее утрачивают свою силу. Мы продолжали наступление, вторгаясь всё в новые государства. Среди армейских людей всё чаще встречались настоящие фанатики, с пеной у рта доказывающие правильность и справедливость этой войны. Само словосочетание кажется настоящим кощунством, «правильность и справедливость войны». О какой справедливости может идти речь, если мы нападаем? Такие фанатики были опаснее всего, их боялись и избегали. Если попадался такой командующий офицер, это было настоящее бедствие. Они беспощадно убивали пленных, пытали и насиловали гражданских. А самое главное приучали к этому своё подразделение. Эти части зверствовали, вырезая целые поселения. К счастью, большинство военных были иными. Основной задачей для них было выполнение задачи и выживание личного состава.

Мы с Дином держались особняком. Очень мало общались с сослуживцами. Их лица сменялись стремительно, памяти не за что было зацепиться. Как картинки в калейдоскопе, не успеешь глазом моргнуть, а уже другая появилась. Новобранцы умирали как мухи. Больше они напоминали детей,

нежели солдат. Бывалых ветеранов тасовали из части в часть, отправляя в более горячие области.

Уже уйму времени мы сидели в этом окопе и ждали. Приказа об атаке, или отступлении. Время здесь бежит совсем по-другому. Никогда не ясно, сколько его прошло, может несколько недель или всего один час. Началось все именно с того, что мы были вдвоём в полной тишине. И каждый думал о своём, о своих мечтах, целях и желаниях. Никогда у меня не было друзей до появления Дина. Приятели, знакомые, да, их было огромное количество, а вот друзей не было. Понимать это я начал лишь теперь.

– Наступают! Приготовиться к отражению атаки! – пролетел тревожный клич.

Все подобралась. Кто-то торопливо докуривал, кто-то крестился. Даже самые ярые атеисты, на войне начинают верить в Бога. Я перемотал сырые портянки, Дин, ругаясь сквозь зубы, пытался перезарядить старую винтовку. Несмотря на автоматический механизм, она постоянно заедала. Еще до начала атаки, в воздухе разливается тяжелый дух гибели. Земля дрожит под их ногами. Рев атакующих напоминает рокот далекого морского прибоя. Березовый лесок выпускает их наружу, они бегут к нам. Полтора километр... Километр... Уже можно рассмотреть перекошенные в крике рты. Все пространство пропитано флюидами напряжения, время сгустилось до осязаемого состояния.

– Стрелять только по команде. Ждем... Ждем... – пыта-

ется охладить наш пыл командир.

Не успели противники выйти на убойную дистанцию, как наша артиллерия накрывает их. Один миг и все скрывается в пламени и дыму. Мы, как лягушки распластались по дну окопа и только вздрагиваем при взрывах. Влажная, грязная земля кажется райским ложем, даже представить жутко, что сейчас происходит наверху. Воображение рисует картины вакханалии, и никак не получается переключиться. Пахнет потом, грязной одеждой и мочой. Многие кто только прибыл на фронт, не могут сдержаться при канонаде. Но, никому и в голову не придет смеяться, или даже обращать на такое внимание. Здесь это в пределах нормы.

Грохот, кажется, стоит целую вечность. Но, даже когда установилась тишина, в это трудно было поверить. Я вижу перед собой лицо Дина, он широко раскрыл рот, чтобы избежать контузии. По одному люди начинают подниматься на ноги. Пелена дыма медленно утекает на восток. Даже в такой мясорубке могут остаться живые. Нас отправляют на поиски пленных, «языков». Работает это так: находишь раненого, задаёшь вопрос на нашем языке, если отвечает, выносишь его в безопасное место; если нет, добиваешь. Все проще некуда. Мы с Дином осторожно продвигаемся, оглядываем воронки. Часто бывают случаи, когда люди забиваются в них и переживают артобстрелы. Едкий дым стелется по земле, мешая обзору. Некоторые трупы пылают в этом мареве как далекие сигнальные костры. Аромат жареного мя-

са заставляет сжиматься пустой желудок. Иногда раздаются одиночные выстрелы. Дин подаёт сигнал рукой, показывает влево. Особенно глубокая воронка, будто специально наполненная трупами. Там мы и увидели впервые этого человека. Худой, маленький человек с узкими глазами. Он лежал в углублении, скрытый от осколков телами других. Расслабленная поза и взгляд в никуда, на ему одному доступный пейзаж. Он не притворялся мертвым в попытках спастись, при нашем появлении он даже не шевельнулся, только глаза скользнули по нам и вернулись на место. Мы нервно переглянулись. Обычный вопрос при поиске «языка»: «Кто ты?». Но, сейчас Дин спросил: «Что ты делаешь?»

– Смотрю на облака, – последовал ответ.

Не сговариваясь, мы подняли его и понесли к медикам. Осколком ему посекло ногу. Его звали Сокто.

Пленные в лагеря пользовались определенной долей свободы. Бежать было некуда, потому основным правилом было не приближаться к арсеналу и жилым палаткам. А так можно было передвигаться почти по всему лагерю.

Новый знакомый возбудил в нас любопытство. После его беседы с особым отделом, вечером мы отправились его навестить. Он безмятежно лежал на койке, и напоминал скорее посетителя санатория, чем пленника. Он с недоверием

к нам относился и особо не шел на контакт, но постепенно мы разговорились. Он был выходцем из далекой азиатской страны, непонятно каким боком попавшей в этот конфликт. Он поведал нам о своей стране, обычаях и нравах. С детства способный к иностранным языкам, он бегло разговаривал на нашем. Как и многие другие, Сокто не хотел идти на войну. Только его никто не спрашивал. Даже сейчас, в этой ситуации, он казался гражданским человеком, волею злого рока заброшенный сюда. До самой ночи мы проболтали в прохладной палатке госпиталя. Уже объявили отбой, а мы так и сидели освещенные небольшим огоньком огарка свечи. Мы бы просидели еще дольше, но пришел санитар проверять больных и прогнал нас.

До этого мы с пленными не контактировали. Для нас стало настоящим открытием что пленные, это точно такие же люди, как и мы. Их точно также подняли и отправили на эту войну. Сокто был чуть старше нас, но иногда складывалось впечатление, что он гораздо взрослее своих лет. Будто поживший мудрец говорил устами молодого мужчины. Общение с ним это был глоток мирной жизни среди окружающего хаоса.

Передовые части армии ушли далеко вперед, а нас перекинули в арьергард. После передовой, работа здесь казалась отдыхом. Несколько человек из нашей роты, в том числе и нас с Дином, прикомандировали к госпиталю. Чем мы были вполне довольны. К сожалению, как это всегда было в ми-

ре, методы нанесения увечий далеко опережали методы лечения, потому в большинстве случаев раненные умирали. Да и вечный фронтной дефицит всего серьезно сказывался. Настоящих хирургов было раз, два и обчелся. Остальные были не более чем курсанты из медучилищ. Пару раз я присутствовал при операциях, и вещи, происходящие там ничуть не лучше картин поля боя, после обстрела минометов.

Будни проходили в уходе за больными и ранеными. Вечерами мы собирались втроем, гуляли, курили, разговаривали. Один раз даже стащили немного спирта и напились. Со дня на день ожидался снег, дыхание из груди вырывалось облачками пара. Но, это нас не остановило. С приближением ночи, мы улизнули из лагеря со своей добычей и нехитрой закуской. На поляне в лесу расстелили брезент и уселись пировать. Сокто шел на поправку, но пока что ему приходилось передвигаться с помощью костылей. С непривычки мы быстро опьянели. Холод перестал нас донимать, а мир казался не таким плохим местом.

– Когда всё закончится я вернусь домой. Построю дом, заведу хозяйство и женюсь. У меня будут трое ребятишек, две собаки и много-много скота. На праздники буду собирать всю семью, и вас тоже буду приглашать. А больше ничего и не надо, ведь это настоящее счастье, – мечтательно проговорил Дин.

Это была самая длинная тирада, услышанная от него за все время нашего знакомства. Обычно замкнутый и мол-

чаливый, он поведал свою маленькую мечту. Здорово, если бы всё в жизни было бы также просто и понятно. Слушая его откровения, я думал о своем. На небе неспешно появилась луна, её призрачный свет изменил всё вокруг. Мы лежали и смотрели на звездное небо. В эти минуты казалось, что все хорошо, война где-то далеко и никогда нас не коснется. Впервые за долгое время мы смогли полностью расслабиться.

– А я вернусь на Родину и напишу книгу. С самого детства, читая другие книги, я мечтал об этом. Сюжет уже долгие годы формировался в моей голове. Наверное, нужно было это давно сделать. Только я постоянно откладывал, медлил. Занимался всякой ерундой, распыляя себя попусту. Ведь жизнь только началась, и всё еще впереди. Теперь я буду ценить каждую минуту, проведенную на свободе. Без команд, без воя сирен, без огня и ужасов сражений. Все будет осознанно, – проговорив это, Сокто погрузился в молчание. А после паузы тихо добавил. – Только бы вернуться домой...

Долгое время мы лежали в безмолвии и слушали лес. В любое время года он наполнен звуками. До войны я часто любил гулять по лесу. Без разницы, в какую погоду или сезон, меня всегда привлекало это занятие. Бродил долгими часами по зверовым тропам, сидел на опушках, собирал грибы и красивые растения. Не охотился и не рыбачил. Единственные следы которые оставлял в природе, это следы моих ног на земле. Золотое время. Не нужно высматривать везде

засады и ворошить листву под ногами в поисках противопехотных мин.

– Ну, а ты Лекс? – нарушил тишину Дин.

– Что я?

– Чем ты будешь заниматься после войны?

– Дальше буду жить вот и всё.

Прозвучало это грубо и резко. И чего уж греха таить, разрушило всю атмосферу. Только я, правда, не знал, что ответить. Семьи у меня не было, а самые близкие люди на планете, сидели со мной здесь и сейчас. Куда я вернусь? Чем я буду заниматься? Вопросы без ответа.

Наш госпиталь неотвратимо догонял передовые силы. После кровопролитных боев мест не хватало, и многим раненым приходилось лежать на полу или земле. Мы только и успевали таскать носилки. Если пересчитать все могилы, которые я выкопал, и в которые опустил мертвеца, выйдет среднестатистическое кладбище провинциального городка. Работать приходилось круглыми сутками, а спать урывками и где придется. И все равно, это было гораздо лучше, чем участвовать в сражениях. Иногда удавалось помыться в бане или принять холодный душ. Такая гигиена представлялась верхом блаженства. Госпиталь, набитый больными людьми был настоящим рассадником заразы. Особенно бло-

хами и вшами. Нам повезло, что Дин с малолетства водился с животными и знал методы борьбы с кровососущими насекомыми. Благодаря ему, эта напасть обходила нас стороной.

Сокто никак не получалось транспортировать в тыл, и он ехал вместе с нами. Он был единственным пленником во всем лагере. До этого шедший на поправку, он неожиданно снова слег. Пытался казаться веселым, старался смешить нас, но было ясно, что-то не так. Он почти все время лежал в постели без движения. Костыли забрал санитар, отдал кому-то другому. Впрочем, наш друг и не торопился на прогулку. Когда его об этом спрашивали, отшучивался, мол, устал, полежать хочу. На лице его залегли тени, он осунулся и еще больше похудел. Когда кто-то на него смотрел, он старался улыбаться и быть приветливым, но стоило остаться одному и его лицо кривилось от боли. Из-за тотальной занятости наши посиделки стали очень редкими. Даже Дина я теперь редко видел. Ночью, когда я возвращался, его койка часто была заправленной. А утром мы вскакивали по команде и бежали по делам.

Наступали последние числа осени, и очередная страна объявила капитуляцию под нашим натиском. В этот день был объявлен праздник и выходной по всей армии. Ну, а у госпиталей выходных не бывает. Мы работали в том же режиме. В столовой давали усиленный паек, и мы с Дином договорились сохранить его до вечера и посидеть втроем.

С нетерпением дождались отбоя и пошли. Палатка, где ле-

жал Сокто, была залита темнотой. Только робкий огонек керосиновой лампы дрожал где-то в глубине. Мы уверенно пошли на него и увидели нашего друга. Он полулежал на койке и что-то сосредоточенно писал в блокноте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.